

Общая цоз. 2001-8-14 на д.б. - с. 10

Светловолосая пантера

Так называл Эрих Мария Ремарк свою возлюбленную Марлен Дитрих. Их переписка обнаружена совсем недавно и уже опубликована на многих языках.

— Это началось задолго до нас самих, — сказал он при их первой встрече. — Словно гроза, словно зарницы на небе...

— К чему сопротивляться? — спросила она.

Гроза началась в осенний вечер 1937-го и бушевала три года. Он был автором вышедшего восемь лет назад мирового бестселлера «На Западном фронте без перемен», но к тому времени так и не сумел повторить свой триумф. Она — слегка полблекшей 35-летней звездой Голливуда. Последние ее фильмы не пользовались былым успехом — слава, вытканная в годы работы с замечательным режиссером Йозефом фон Штернбергом, тускнела на глазах.

Оба были в кризисе. Ремарк пил и избегал письменного стола, развлекался напрапалу. У нее — депрессия. Муж, изгнанный с супружеского ложа, любовники, сложные отношения с дочерью Марией Ривой.

Об этой любви, плавно перешедшей в 1940 году в дружбу, оставили память 300 писем Ремарка. Сколько написала сама Дитрих, точно неизвестно — сохранились лишь 20 (остальные были уничтожены Полетт Годдар, актрисой, ставшей женой писателя).

Из переписки возникает совер-

шенно иной Ремарк. Он по-старомодному ухаживает за Марлен, пытается ласковыми прозвищами приворожить эту надменную белокурую беситию. Чуждый сантиментов, он тем не менее играет в некую мистическую игру, возвышенную и тревожащую. Он называет ее «чудо-радуга после гроз, отбушевавших над моею жизнью», «сладкая обезьянка», «вечернее золотистое облачко», «самое волшебное северное сияние», «молния озарения», «зарница над лесами», «светоносное кружево воображения». Себе он избирает прозвище «Равич» (то же имя, как известно, носит герой еще тогда не законченной «Триумфальной арки»). «Я не знаю, как мне тебя называть — «Равич» нынче всеобщее достояние», — напишет она уже много позже, после войны. Была и еще одна роль — уже совсем несвойственная Ремарку. Маленький мальчик «Альфред», пишущий нежные детские письма «тете Лене», причем в тяжелые моменты жизни Марлен, как ни странно, предпочитает «Альфреда». Вот отрывок из письма от 1 декабря 1945 года. Париж. Отель Elysee Park. «Я восставала, билась с окружающими (причем не всегда дозволенными методами), вырвалась наконец на волю и вот совсем свободная сижу одна, всеми покинутая в чужом городе. И нахожу твои письма. И пишу тебе без повода. Не сердись. Меня тянет к Альфреду, который пишет: «Я думал, что любовь — чудо; когда двое любят друг друга, им — легче, чем каждому по-

одиночке. Как самолет»». Я тоже так думала. Твоя растерзанная Пума».

«Пума» — еще одно прозвище Марлен. Ремарк шутливо жалуется: «Жить с пумами непросто! Иногда они царапаются, хотя думают, что гладят, и даже во сне может такое случиться!»

Она его не гладила. В 1938 году Ремарк стал ближайшим свидетелем ее мимолетного, но страстного романа с Дугласом Фербенксом-младшим. А в промежутках были и совсем случайные любовники. «Прочь от пумы!» — записал он в дневнике. Но уже через несколько недель он пишет «утренней звезде над упавшим лесом»: «Когда ты рядом, неудач нет».

Думается все же, что это не совсем так. Биографы Ремарка отмечают, что он понимал некоторую унижительность положения, презирал себя за это. Связь с Марлен на время заблокировала его творчество.

В переписке нет и намек на те гигантские исторические потрясения, которые происходили тогда в мире. У них в письмах был свой особый мир, и большому миру в них нечего было делать. Например, ни слова о Гитлере. Казалось, они умышленно выводят за рамки «эпистолярного рая» все страшное и уродливое.

В 1938 году Ремарка лишают немецкого гражданства (одна из официальных версий: «за осквернение памяти павших в Первой мировой войне»). В середине 1939 года он бежит в США — к Марлен. Через год история любви оборвалась, как запи-

сал Ремарк, «с взаимным хлопаньем дверьми».

Но дружить они продолжали. Марлен писала: «Вчера вечером нашла за фотографией дочери 3 твоих письма. В них ты даешь прекрасные советы. Письма не помечены датами, но я знаю, когда они написаны. Это память, сохраняющаяся годами...» А он через несколько лет: «Будь ангелом и снова осчастливь меня... телятиной с рисом».

Они были необыкновенными людьми и знали, что «упоительное забвение самих себя» рано или поздно заканчивается вышиванием или телятиной в скороварке.

Алексей СЛАВИН

Берлин

Избранные места из переписки Э. М. Ремарка и М. Дитрих читайте в ближайших номерах «ОГ»